

Веч Москва — 1996 — 18 июля — 95.

Избранное

«Я счастлива, что была достаточно умна, чтобы так глупо прожить свою жизнь», — говорила она. И сама обобщала: «Моя собака Мальчик живет, как Сара Бернар, а я живу, как собака».

После спектакля она грустно смотрела на корзину с письмами и открытками, полными слов восхищения и любви и печально замечала: «Как много любви, а в аптеку сходить некогда». И если кто-либо возражал, называя ее пессимистом, отвечала: «Очень грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз».

Или: «Я прожила жизнь не на своей улице и не в своей эпохе. Мне срочно нужен XIX век». И еще она постоянно говорила о таланте актера: «Я больше всего люблю человеческого таланта. И всегда мне везет на бездарных. Я не признаю слово «играть». Пусть дети играют. Пусть музыканты играют. Актер должен жить на сцене. Я каждый спектакль живу по-новому. Талант — это уметь видеть свои недостатки».

А сколько рассказов ходит о том, как она отзывалась об иных актерах! Актриса Б. уезжает с мужем в командировку в Африку. Пришла посоветоваться и попроситься с Раневской. «Муж будет писать, а я хочу попробовать себя в режиссуре. Взяла пьесу Софронова «Миллион за улыбку». Мне она знакома, да и играла я там». — «Это же говно, голубушка. Лучше возьми «Отелло». Их там много».

Об актере Л.: «У него нет никакого темперамента. Он меня на спектакле всю оплевывал».

Об актрисе С.: «Смесь степного колокольчика с гремучей змеей».

Переворот в Чили. Раневская приходит в театр: «Хунта у себя?» (о дирекции).

А. П. Васильев — главный художник театра характеризовался у нее так: «Человек с укусным голосом».

«Как вы живете?» — спрашивает И. С. Саввина. «Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортикову».

«Кино — заведение босяцкое».

«Я — выкидыш Станиславского».

«Великий Станиславский попутал все в театральном искусстве. Сам играл не по системе, а что сердце подскажет».

О плохой драматургии: «Пьесы, рассчитанные на четверть человеческого сознания».

«Воробей изнасиловал слона».

«Амазонка в климатсе» (о критикессе).

Поклонница просит домашний телефон Раневской: «Дорогая, откуда я его знаю. Я же сама себе никогда не звоню».

Актрисы театра послали поздравительную телеграмму А. Солженицыну: «Какие вы смелые! А я послала ему письмо».

Во время репетиции Ю. Завадский за что-то обиделся на актеров, не сдержался, накричал и выбежал из репетиционного зала, хлопнув дверью. Стало тихо. Все сидят подавленные. И вдруг в тишине раздался голос Раневской: «Юрий Александрович сейчас придет. Обычно в это время он ходит в туалет».

Старая каракулевая шуба висела в шкафу, и Раневская решила продать ее. Когда она открыла шкаф перед покупательницей, оттуда вылетела моль. Раздосадованная Раневская крикнула: «Ну что, сволочь, нажралась?».

Секретарь партийной организации театра предложил Раневской вступить в партию:

«Ой, что вы! Я по ночам кричу».

«Приходите, я вам покажу фотографии неизвестных народных артистов СССР».

«Наш водитель Ковшило ненавидит меня за то, что он возит меня, а не я его».

Когда же за Раневской приехал водитель на автомобиле «каблучок», она уверяла, что соседи по дому ей кричат: «Бабушка, что сегодня развозите?».

Сидит Фаина Георгиевна с Саввиной и со мной в ресторане. Подали цыпленка «табака». Раневская отодвинула тарелку: «Есть не буду. У него такой вид, как будто его будут любить».

«Вы знаете, что мне помешало в жизни? Душа. Как хорошо быть бездушной!»

Или: «Все телефоны стали импотентами».

«Современный партийный работник — это не убеждение, а профессия: ничего не любить, кроме партбилета».

«Мое богатство в том, что оно мне не нужно».

«Страшный радикулит. Старожилы не помнят, чтобы у человека так болела жопка».

«У меня будет счастливый день, когда вы

Первый раз я услышал Фаину Григорьевну Раневскую на просмотре спектакля «Шелковая Сюзанна» Кахара в филиале Театра имени Моссовета на Пушкинской улице. Роль узбекской девушки играла актриса Х. Когда она вышла на сцену, Раневская воскликнула: «Не могу, когда шлюха корчит из себя невинность». Я в ужасе обернулся, но это была Раневская, которая сидела чуть дальше от меня и смотрела спектакль. Так я познакомился с острым словом великой актрисы.

Последние годы жизни Фаина Григорьевна нуждалась в постоянной заботе и помощи. Эти функции часто ложились на дирекцию театра. Каждый — директор театра Лев Федорович Лосев и я — в меру своих сил выполняли эти обязанности. Частые встречи сблизили нас с Раневской и открыли многие не доступные прежде для нас страницы ее жизни.

Старость, болезни — все это накладывало отпечаток на ее работу в театре, кино. Но одно оставалось неизменным: своя оценка, присущая только Раневской, касалось ли это деятельности театра, работы режиссеров, коллег и, конечно, дирекции.

Ее остроты, шутки, афоризмы воспринимались как события, пересказывая их, люди звонили в другие города. Многие думали, что Фаина Георгиевна делала загодя заготовки, обихаживала на нее, старались обходить стороной. Но это было ее существом.

В моей памяти Фаина Георгиевна стоит особняком в ряду многих артистов, дорогих моему сердцу. Гастроли, наши посещения ее в больнице и санатории превратили Раневскую в родного и близкого для нас человека. Многие я почерпнул из этих незабываемых встреч. А какими были наши многочасовые беседы и прогулки по улицам Риги, Одессы, Свердловска! Раневскую узнавали, искали с ней встреч.

Да простят меня многие пишущие и говорящие о Раневской, сегодня очень многое приписывается Фаине Георгиевне, а она к этому не имела никакого отношения. Иногда это афоризмы Р. Я. Плятта, А. А. Консовского. Они тоже были остроумцами, и их высказывания еще ждут своей публикации. А Раневская не нуждается в приписках, она — Раневская, и второй такой быть не может.

«КАК МНОГО ЛЮБВИ, А В АПТЕКУ СХОДИТЬ НЕКОМУ...» ИЗ ПРОГУЛОК И БЕСЕД С РАНЕВСКОЙ

станете импотентом».

«Я вся в магнитных волнах. А виновато солнце. Там такой бардак. Какие-то магнитные волны. Врачи мне сказали: «Пока магнитные волны, вы себя плохо будете чувствовать».

После спектакля «Дальше — тишина» подошел поклонник: «Товарищ Раневская, простите за вопрос — сколько вам лет?». — «В субботу будет 115».

«Никто, кроме мертвых вождей, не хочет терпеть праздное болтающихся моих грудей».

«Фаина Георгиевна! Почему вы так меняете театры?» — «Я пережила со многими театрами, но так и не получила удовольствия».

«Фаина Георгиевна, Галля Волчек поставила «Вишневый сад». — «Боже мой, какой ужас! Она продаст его в первом действии».

«День приезда — день отъезда» В. Черных — спектакль, поставленный в театре. У Фаины Георгиевны спросили: «Как вы оцениваете этот спектакль?». — «2 рубля 60 коп.» (командировочные).

Раневская отдыхает в Комарово (под Санкт-Петербургом). Рядом проходит железная дорога. «Как отдыхаете, Фаина Георгиевна?» — «Как Анна Каренина».

О Юрском: «У него «течка» на профессии режиссера. Хотя актер он замечательный».

Пожилый мужчина 75 лет развелся и женился второй раз на женщине 73 лет. Раневская рассказывает об этом: «Молодость берет свое».

Актеры обсуждают на собрании трупы то-варища, который занимается гомосексуализмом. «Это растение молодежи». — «Боже мой, — восклицает Раневская, — несчастная страна, где человек не может распорядиться своей жопой».

«Фаина Георгиевна, почему вы не ходите на беседы Завадского о профессии артиста?» — «Голубчик, я не люблю мессу в бардаке».

О государственных наградах:

«Ю. А. Завадскому дают награды не по способностям, а по потребностям. У него нет только звания «Мать-героиня».

14 апреля 1976 года поздравляют Раневскую с правительственной наградой — орденом Ленина — в связи с 80-летием со дня рождения. Много людей пришли к ней в артисти-

ческую уборную. — «У меня такое чувство, что я голая моюсь в ванне, и пришла экскурсия».

В. П. Марецкой присвоили звание Героя Социалистического труда. Люба Марецкую и признавая ее заслуги в искусстве, Раневская вместе с тем заметила: «Чтобы мне получить это звание, надо сыграть Чапаева».

«При диабете 85 лет — тоже не сахар».

Ф. Г. Раневскую спросили о враче, которая ее лечит: «Она очень талантливо скрывает свои знания».

Раневская дышит тяжело. Писатель Лакшин спрашивает: «Как дышитесь, Фаина Георгиевна?» — «Дышу Пушкиным».

«Как себя чувствуете, Фаина Георгиевна?» — «Болит печень, сердце, ноги, голова. Хорошо, что я не мужчина, а то бы и предстательная железа заболела».

Фаина Георгиевна лежит в больнице с геморроем. Вместе с Завадским приходим навещать ее. «Как себя чувствуете?» — «Ни себе посмотреть, ни другим показать».

Или: «Я устала симулировать здоровье».

О режиссерах:

«Маразмист-затейник».

«Вытнутый лилипут».

«Блядь в кепочке».

«Фаина Георгиевна, почему вы ушли из Театра имени Пушкина?»

«Потому что я признавала все виды любви, кроме скотоложества».

На репетиции в Театре имени Пушкина Раневской делают замечание: «У вас как будто что-то во рту». — «А вы разве не знаете, что у меня полон рот говна?»

«Капризы беременной кенгуру».

«Что снится Завадскому?» И сама отвечает: «Что он уже похоронен на Красной площади».

«Какого вы мнения о режиссере В.?» — «Это уцененный Мейерхольд».

«В семье не без режиссера».

На гастролях:

Одесса. Встреча на улице. Одеситка долго бежала за нами, а потом спрашивает: «Ой, вы — это она?». Раневская спокойно отвечает своим басовитым голосом: «Да, я — это она».

Кассирша, которая продавала в Одессе билеты в театр, любила повторять: «Когда Раневская идет по городу, вся Одесса делает ей апофеоз».

Мы едем в трамвае. Кондуктор объявляет остановки: «Следующая остановка — «Тюрьма». Раневская громко замечает: «Нам пора!».

У нашей старейшей актрисы Тамары Сумбатовны Оганезовой на гастролях хобби — бегать по магазинам. Фаина Георгиевна однажды назвала ее «Тамара ЦУМбатовна».

В уборную к Раневской приходит директор Театра имени Пушкина М. Е. Миклишанский. Раневская встречает его в ночной просвечивающейся рубашке, с папиросой, которую держит у интимного места. И негромко говорит: «Вам дым не мешает?».

О хулигане:

«Сидят и кушают бойцы товарищей своих».

Фаина Георгиевна! У вас в этом году юбилей. Давайте устроим праздник. «Нет, не хочу. Я боюсь, что все хорошие слова скажут на юбилей и ничего не оставят на панихиду».

О маленькой гипсовой скульптуре режиссера: «Ему давно надо быть в мраморе».

Вместо эпилога.

Фаина Георгиевна поскользнулась на улице и упала: «Граждане, подымите. Такие актеры на улице не валяются».

Вспоминал Валентин ШКОЛЬНИКОВ
Фото В. КОЗЛЕНКО

Ф. Г. Раневская с товарищами по театру

